

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Ю.В. Ярмак

**Интеллектуальный контекст
Российской революции 1917 года¹**

По мнению ряда исследователей российской драмы февраля-октября 1917 года и последующей Гражданской войны, ее события являются неразрывно связанными между собой частями Великой российской революции. Наряду с Великой французской революцией конца XVIII века она стала одной из крупнейших вех мировой истории. Исследование интеллектуального наполнения Российской революции помогает в объяснении характера многих ее событий и оценках предопределенности или случайности их в политическом контексте.

Ключевые слова: революция; политический интеллект; лидеры, вожди группы, организации, партии; политическое просвещение; политический интеллектуализм; политический процесс.

Из числа фундаментальных причин, породивших революционную ситуацию и тогдашние события в нашей стране, условно можно выделить четыре, каждая из которых предполагает самостоятельный анализ, выходящий за рамки формальной аналитики текста: сложное социально-экономическое положение в обществе; высокая острота борьбы за политическую власть при кардинальном ослаблении режима монархии; активное привнесение в российское общество революционных идей, ведущих к пересмотру его традиционных ценностей и классовым потрясениям; втягивание России в геополитические и военно-экономические столкновения между европейскими державами. Во всех случаях постоянным и существенным вопросом, играющим роль катализатора революционных процессов, являлся вопрос об интеллектуальных ресурсах, величине и качестве интеллектуальных сил участников данных процессов.

Ныне это предполагает возможность проводить неформальную аналитику происшедших событий, каждое из которых может быть проинтерпретировано в широком смысле слова как исторический «текст», предоставляющий исследователю соответствующие материалы.

Отметим, что политический интеллект (ПИ) влиял на ход событий на всех стадиях зарождения и развития Российской революции — от времен размышлений, теоретических обоснований и приготовлений её со стороны

¹ Исследование ведется при поддержке РФФИ, проект «Неформальная аналитика текста: философско-методологический подход», № 17-03-00772.

А.И. Герцена, М.В. Петрашевского, Н.Г. Чернышевского до установления нового порядка по всей территории страны. Но особенно радикально место и роль ПИ как комплекса теоретической и организационно-пропагандистской деятельности проявлялись:

- а) при зарождении социально-политического противостояния между акторами политических процессов в российском обществе начала XX века;
- б) в ходе развития и достижения политической кульминации на стадии смены политических институтов власти в государстве;
- в) в процессе реализации идей и собственно целей, которые были выдвинуты противоборствующими сторонами в ходе революции.

Термин «политический интеллект» (ПИ) используется нечасто и исследуется недостаточно. Его связывают в основном с описанием политического портрета той или иной личности, указанием психологических свойств политических субъектов. Между тем ПИ как определенное понятие, явление и структурное образование гораздо более сложен. Он проявляет себя неоднозначно в разных обстоятельствах, имеет порой совершенно неожиданные результаты, включая итоги своей оценки.

Особенно трудно оценить ПИ в процессе развития серьезных социально-политических конфликтов и рубежных исторических событий. Например, зарождения революционных процессов, когда внутренняя система когнитивно-психологических свойств отдельных личностей, групп и организаций испытывает повышенное воздействие и внутренних, и внешних факторов. В таких условиях субъект может проявлять свой ПИ в самом широком диапазоне качеств, неожиданном и противоречивом формате. Как следствие — усложняется возможность его правильно распознать, оценить широту горизонта, на котором он себя проявляет, заметить свойства, которые конкретный субъект благодаря своему ПИ обнаруживает в политических процессах. Комплексные оценки ПИ порой требуют того, чтобы на шкале времени они были отнесены за пределы происходивших когда-то событий. Такой подход не всегда адекватно соотносится с действительными заслугами или провалами в деятельности участника политических событий. В силу действия «фильтра времени», оценки могут оказаться ближе к истине или, наоборот, размыты и неточны. Но в текущем, конкретном времени, в малоисследованных исторических обстоятельствах ПИ актора может не соответствовать объективным оценкам своей эффективности. И наоборот, через время картина для оценок ПИ проявляет свои ранее скрытые черты, смыслы, масштаб. Тогда мы отступаем от наших прежних взглядов на субъектов — участников политических событий, не прощаем их ошибки или оправдываем ранее известные действия по новой шкале верификации.

Оценивая и сравнивая политический интеллект субъектов революционных событий 1917 года, мы должны опираться на документы, тексты речей, запечатленные в стенограммах устные дебаты и другого рода архивные источники, которые составляют контент для верифицированных суждений о тех

событиях и их участниках. Вместе с тем, каковы бы ни были архивные источники, артефакты социокультурного характера, появляющиеся в новых условиях и позволяющие адекватно оценивать уровень политического интеллекта своих создателей, ключевым показателем эффективности ПИ остается все же та практика, которой он выражался в организационно-деятельном виде. Такие «следы» и результаты действия ПИ выступают достаточно объективным текстом-носителем информации об уровне состоятельности берущихся за революционные изменения России людей, партии, организаций.

История свидетельствует о том, что интеллект во все времена выступал базисом критического осмысливания человеком своего места и роли в социальных отношениях и, в частности, в политической системе. Интеллектуальный напор критического характера формировал обстоятельства и порождал революционные процессы в отдельных государствах и мировом сообществе. Например, эпоха Просвещения и просветители XVIII века подвели общественно-политическую жизнь ряда стран Европы к возникновению идей практического характера, в частности — к необходимости помимо критической оценки в теоретическом плане подвергнуть практической переоценке существующие обстоятельства и условия общественного устройства. Всё сущее подвергалось интеллектуальному суду критической мысли с практическими вариантами изменений этой сущности. В 1793 году левые якобинцы даже решили отменить во Франции христианство, предложив взамен гражданский культ разума [4: с. 253].

Интеллектуальная устремленность приводила к мысли, что если власть не позволяет изменить ситуацию, то её свергают. Великие люди, которые во Франции просвещали головы народа, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, загадки природы, общество, государственный строй — все подвергалось беспощадной критике и должно было предстать перед судом разума. Все прежние формы общества и государства, традиционные представления об их функциях должны были быть признаны неразумными. Суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место справедливости и равенству, вытекающим из самой природы и части ее — человека.

Формирование сознания общности жизни, востребованности свобод и прав гражданского порядка в отношениях между людьми, вели к пониманию передовыми умами необходимости солидарных действий. Социально-интеллектуальные качества отдельных индивидов с их ощущениями и образами в представлениях о связях между друг другом помогали людям понимать эту социальную общность, и одни умы проникали в другие.

Исследования человеческого интеллекта с течением времени привели к дифференциации данного толкования: эмоциональный интеллект, социальный интеллект, военный и практический интеллект, сенсомоторный, искусственный, спортивный и другие. В каждом из исследовательских направлений возникли полезные идеи, способствующие глубокому рассмотрению

и собственно ПИ. Но следует заметить, что при этом функциональные особенности и проявление политического интеллекта по-прежнему несут на себе отпечатки частных, особенных, индивидуальных характеристик участников политических процессов. Особенно это заметно у тех, кто непосредственно включен в политические баталии теоретического или организационно-практического порядка.

Политический интеллект относится к ресурсам политического управления и эффективного участия субъектов в революционных преобразованиях. В таком плане можно говорить о ПИ как о политическом ресурсе, который обеспечивает поиск возможностей для власти использовать различные факторы социальной энергии и по существу определяет *принципы* использования этих возможностей со стороны акторов. Тогда собственно ПИ следует рассматривать как *вид комплексного управленческого ресурса* держателей власти. Он «говорит» свое веское слово в сложных и неустойчивых обстоятельствах борьбы за власть, в прогностике и планировании действий, при столкновении с оппонентами, принятии разных управленческих решений.

Автор рассматривает весь интеллектуальный контекст Российской революции 1917 года как производную, минимум, трех источников. Два первых более-менее различимы и понятны: противостоящие друг другу политический интеллект царского самодержавного субъекта и политический интеллект другого участника революционных процессов — партий и движений, оппонирующих царизму. Но важно не упустить вопроса и о политическом интеллекте третьего субъекта политических процессов, часто отвергаемого как интеллектуального игрока баталий 1917-го и последующих революционных лет. Имеется в виду политически активная часть российского общества. Это феномен не менее важный, чем вышеупомянутые два первых.

При анализе развивающихся в России революционных событий того времени лакмусовой бумажкой для определения уровня политического чутья и интеллектуального мышления политических лидеров и вождей, политических партий и пассионарных групп, включенных в революцию, являлось реагирование их на активность масс. Оно показывало уровень восприятия этими политическими субъектами российских проблем, состояния настроений и житейских интересов простых людей. В целом же на почве функционирования политического интеллекта у этих сторон формировался контекст общего порядка: реагирование социальных масс, заряженных на изменения в обществе и отклик на адекватные их интересам действия, лозунги политических вождей и партий, поддержка сторонами друг друга в революционных акциях. Одним словом, разнообразие революционных процессов и величина революционных политических ресурсов у лидеров, вождей, партий и революционных масс опосредованно определялись продуцированием ПИ тех, кто был вовлечен в революцию и собственно составлял основной политический контекст революционных событий 1917 года.

Социальные группы, обладавшие политическим чутьем и прозорливостью, практической сметкой и способностью к распознаванию своей выгоды

или справедливому разрешению политических проблем, порой насыщали своей энергией десятки партий и объединений, которых насчитывалось в России до полусотни. Они несли в себе элементы практического интеллекта. Это позволяет нам рассмотреть ПИ в виде социально-духовной, идеологической, мировоззренческой и политико-прагматической почвы, на которой существует такой феномен, как *политический интеллектализм* общества.

Использование ресурсов революционной энергии, которые содержались в политическом интеллектализме народных масс, являлось проверочным оселком способностей политических лидеров, политических партий и элит возглавить революционные преобразования. Это же помогало им в организационной активности или выжидании благоприятных обстоятельств для выстраивания своей деятельности. Одним словом, ПИ играл одну из своих фундаментальных ролей — роль навигатора в теоретических баталиях и реальных революционных событиях.

Сложные проблемы, ожидавшие сто лет назад своего разрешения в российской реальности, требовали системных и теоретически глубоких проработок, продуманных и нестандартных решений, политической воли и высокого уровня организационных способностей, иногда интеллектуальных озарений политических лидеров. Всеохватывающая неудовлетворенность положением дел в стране подавляющего числа представителей просвещенных общественных слоев, рождала большое количество как плодотворных, так и утопических идей, манифестов и программ переустройства России. Теми, кто был носителем такой энергии, желающими материализовать общественные запросы и мысли о социальном реформировании России, выступали порой диаметрально противоположные вожди-идеологи, партии и социальные группы. За полгода 1917 года Россия прошла сложный путь зигзагов, шатаний и противоречивых событий.

Условно сгруппировав элементы системы политического противостояния, в котором просматривалась идейная основа оппонирующих друг другу сторон, можно увидеть пеструю и сложную картину. В ней были представлены ярые сторонники самодержавия и сторонники его реформирования в конституционную монархию; носители идей глубоких капиталистических реформ при господстве финансовой олигархии, сросшейся с помещичьими хозяйствами, и радикалы — сторонники максимально свободного рынка; приверженцы парламентской республики и сторонники анархизма, мечтавшие о разрушении государственности, создания взамен её ассоциаций свободных трудовых артелей; стойкие государственники-либералы и носители социалистических идей с определенными различиями в оценках социальных приоритетов и характера движущих сил революции (эсеры, социал-демократы меньшевистского и большевистского толка).

Кадетский либеральный курс с лозунгами о войне до победного конца, но в вопросе о земле и рабочем контроле — ни шагу не предоставлявший уступок трудящимся, был сменен социал-демократическими проектами

с разными окрасками, где лозунг о «войне до победного конца» был заменен на идею о победе без аннексий и контрибуций. Свое разумение революционных событий имели торговцы, банкиры и промышленники. П.П. Рябушинский накануне Февральской революции 1917 года выступил инициатором создания Всероссийского торгово-промышленного союза с целью объединения всех пробуржуазных сил страны. После Февральской революции он доказывал преждевременность социализма в России, настаивал на долговременной перспективе частнокапиталистической системы хозяйства, организовал при Всероссийском торгово-промышленном союзе специальный Политический отдел для ведения агитации в массах (с июня 1917 г. издавал журнал «Народоправство»), а также комитет «старобрядческих согласий».

Утратив надежду на мирное развитие событий, 3 августа 1917 года на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде Рябушинский выступил с критикой коалиционного Временного правительства и призвал представителей социалистических партий в правительстве и Советах к отказу от политики огосударствления экономики. «С болью в сердце» он констатировал, что густой сумрак навис над страной, а Временное правительство — пустое место; призывал «торговый люд спасать землю русскую»; оказал финансовую поддержку генералу Л.Г. Корнилову, готовившему выступление с целью установления в России военной диктатуры.

Активно участвовали со своим ПИ в обострении социально-политических процессов в России зарубежные правительства, их институты разведки и дипломатии, рассчитывающие на свержение Николая II. В воспоминаниях Л.Д. Троцкого о том времени говорится, что Петроград кишел тайными и полутайными офицерскими организациями, пользовавшимися высоким покровительством и щедрой поддержкой зарубежной дипломатии. Дипломаты Антанты активно «заботились» о скорейшем пришествии к власти в России сильной группировки [6]. Во многих случаях противодействие им и нигилистически настроенной либерально-демократической интеллигенции оказывали офицеры и генералы Главного управления Генерального штаба, видевшие свою миссию не в разрушении страны, а в сохранении достойного места России в мире.

По-своему реагировали на революционные процессы и военно-стратегическую обстановку офицеры армии и флота. Бывший военный министр Временного правительства А.И. Гучков уволил из армии около 50 % русских боевых офицеров, что усложняло морально-интеллектуальную атмосферу на фронте и повышало социальную напряженность в стране. Непонятное будущее России подталкивало офицеров к более широкому взгляду на окружающий мир. С одной стороны, значительной их частью руководил поведенческий импульс благородного служения Отчизне: «Наши деды за Россию кровь проливали и нам наказали». С другой стороны, офицерству и генералитету надо было определяться в ситуации, когда Февральская революция 1917 года и самоустранение императора от управления страной, развал по всем швам государственности подвели их к необходимости интеллектуального и политического выбора.

Думающим людям в погонах Русской армии стало очевидным: приближается катастрофа. Об этом можно найти интересные воспоминания у А.И. Деникина — русского военачальника, политического и общественного деятеля, активного участника военных съездов 1917 года, противника демократизации армии, сторонника корниловского выступления. Позже он стал автором ряда произведений о революционной эпохе в России.

По мнению А.И. Деникина, большевизм не был главной причиной развала армии, «он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме» [3]. Интеллектуальный цвет офицерства, антиолигархически настроенные генералы и офицеры Генерального штаба, артиллерийского, оперативного, разведывательного и контрразведывательного управлений первыми оценили обстановку. Они знали, что за спиной кричащих о своем патриотизме заводчиков и фабрикантов стоят британские банки, немало вложившиеся в их дела и в «революцию», а за крупноземельными собственниками стоят французские и бельгийские банки, обладающие большинством закладных на российские земли. Так, генерал А.И. Верховский, командовавший в июльские дни 1917 года Московским ВО (совсем не большевик), отмечал, что в то время необходимо было, чтобы массы верили в свое правительство, а солдаты — своему командному составу. Но, кроме того, для успеха нужно было, прежде всего, идти на широкие реформы: дать землю крестьянам, заключить мир. Однако этого монархия, а потом Временное правительство не делали [9: с. 326–330].

Одним словом, социально-экономическая и политическая наэлектризованность российского общества начала XX века, помимо объективных факторов, дополнялась существованием активных групп и слоев, которые готовы были энергично действовать в революции. Их можно называть политическими элитами тогдашней России, при этом не забывая, что качественные параметры как отдельных представителей, так и более-менее общих элитных групп, могли серьезно друг от друга различаться. В начале XX века при жесткой антиземской позиции высшей и региональной бюрократии, негибкости самодержавия вызрели новые обстоятельства. Левая часть формирующейся либеральной представительной элиты становится союзником революционного движения, а либералы, примкнувшие к Союзу освобождения П.Б. Струве, утратили свое либеральное лицо и свои либеральные идеи [1: с. 132].

Здесь нельзя не указать еще ряда обстоятельств. Первое из них — существование когорты тех *интеллектуалов и талантливых организаторов*, которые выполняли роль катализатора в повышении энергии и активности масс, вдохновителя процесса превращения идей и революционной идеологии в социальные выступления, протестные демонстрации, решительные акции против существующей системы власти.

Вторым обстоятельством являлось то, какой степени была подготовленность той социально-духовной почвы среди населения, которая практически всегда выступает главенствующим фактором взаимопонимания лидеров и масс, политических партий и слоев населения, обеспечивает практический

успех политических программ и принятых решений. Ранее мы определились и назвали это обстоятельство *уровнем политического интеллектуализма* общества. В условиях взбудораженного российского социума, развития процессов его дисперсии и распада на социальные фракции, политическая интеллигентизация делает возможным себя оценивать через *поведение политических элит и околоэлитных групп*. Последние состоят не из прямых политических пропагандистов и активистов-теоретиков, идеологов и агитаторов, а тех, кто в общественном сознании выглядит авторитетом при оценках ситуации социального противостояния и предположений о будущем. К ним я отношу творческую интеллигенцию, литераторов, поэтов, ученых. Чего стоят только работы и подвижничество А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского и др.

Сюда следует приобщить представителей пролетарской литературы и поэзии. И если первая для нас не может представить достаточно выразительных и глубоких образцов своего участия в революционных процессах, кроме работ А.М. Горького, то пролетарская поэзия как определенное направление в русской литературе обозначилось довольно ясно с 90-х годов XIX века. Более того, в период организации В.И. Лениным пролетарской партии, возглавившей рабочее движение в России, пролетарская поэзия вносила в него живой язык при разъяснении идей социализма и сути классовой борьбы. Она росла, крепла и мужала вместе с подъемом освободительного движения, выражала его особенности, вносила свою лепту в борьбу народа против самодержавия. Её развитие было весьма сложным (цензура, преследования), но со временем все нагляднее осуществлялось известное положение В.И. Ленина о том, что литературное дело должно стать частью общего пролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом рабочего класса. Поэтам, вышедшим из рабочей среды, подчас не хватало профессионального умения и опыта. Но они выдвинули из своей среды таких одаренных мастеров, как Д. Бедный, А. Богданов, Л. Радин, А. Коц, Е. Тарасов, Е. Нечаев, И. Привалов, Ф. Шкулев, А. Гмырев. Литературное дело для них органически сливалось с делом революции, одновременно свидетельствуя о многообразии форм проявления политического интеллекта. Такие издания, как «Звезда», «Правда», «Просвещение», «Работница» печатали стихи и других получивших известность рабочих-поэтов П. Арского, В. Александровского, М. Артамонова, Я. Бердникова, И. Воинова.

Что касается тех лиц из числа вождей, которые более 100 лет назад пришли в России к революционному 1917 году, то отметим ряд особенностей, связанных с их ПИ и деятельностью в условиях российской революции. Прежде всего, следует признать, что на их ПИ значительную степень влияния оказали передовые умы зарубежной и российской философско-социологической и политической мысли. Может, по этой причине многие из них, как на этапе революционных событий 1905–1907 годов, последующих лет реакции

и гонений самодержавия, так и в период последующего противостояния с царизмом и создания институтов политической власти (февраль-март 1917), представляли революцию со значительной долей романтизма и утопизма. Но без такого представления о социальном переустройстве в принципе не существуют серьезных планов и намерений революционного характера. В немалой степени это связано было с тем, что в их выборе позиций и действиях преобладал теоретический политический интеллект.

Трудно представить, что значительная часть вождей не была знакома, хотя бы в общем плане, с идеями таких утопистов, как *Томазо Кампанелла*, *Адам Смит*, *Клод Анри Сен-Симон*, *Роберт Оуэн*, *Шарль Фурье*, *Генрих Гейне*. Свое место в представлениях о принципиальных направлениях дальнейшего устройства российской политической системы, занимали у российских партийных лидеров, представителей революционной политической элиты и другие европейские мыслители-авторитеты, в числе которых можно обозначить *Джона Локка* и *Шарля Монтескье*, *Франсуа Мари Аруэра* (псевдоним Вольтера) и *Жан-Жака Руссо*. Например, разве могли оставлять безучастными людей такие мысли последнего из названных, как необходимость ставить в центр всех оценок положение человека в обществе или заявление о том, что социальное неравенство приводит к отчуждению людей, их моральному осуждению, деградации. По мнению Руссо, отсюда закономерно возникает оправдание революционных действий против абсолютизма и создание республики. Или его идеи о праве народа, при нарушении государством общественного договора с народом, этому народу, на правах владения суверенным правом власти, насильно менять власть с помощью восстания. Не менее серьезным авторитетом у многих пользовались идеи известных анархистов П. Прудона, М. Бакунина и П. Кропоткина, народников П. Лаврова и П. Ткачева.

Коммунистические и социал-демократические идеи вносились через рабочие кружки и работу в институтах образования и армии теми, кто симпатизировал работам К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля и Г. Плеханова, позже В. Ленина (Ульянова). Проанализировав биографии около 300 представителей того революционного времени, можно сделать вывод об их глубоком понимании вопросов повестки дня Российской революции и событий начала XX века, видение того, как их разрешить а контексте определенных теоретических убеждений. В конечном итоге любые теоретические представления о будущем России должны были бы когда-нибудь проявиться в практической форме, практическом революционном интеллекте. Он достаточно определенно рассматривался в любопытном учебном пособии 1910 года «История революционного движения в России» для абитуриентов офицерских курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. В 180 вопросах и ответах на них давались характеристики революционных течений и раскрывалась деятельность революционеров — потенциальных противников для царя и Отечества. В пособии излагались различия между теоретическими основами партий, давались инструкции о порядке ведения учебных занятий [5: с. 351–378].

Никогда прежде стремление большинства общественных сил и движений одним броском наверстать упущенное в прежние столетия не обретало форму крайне решительных действий. В каждой партии были свои политические интеллектуалы, кто считался успешным выразителем партийных идей, а через это и чаяний большей части народа, кто по своему видел решение проблем и вопросов, накопившихся в России к началу XX века огромное количество. Вопросы вызывали у теоретиков революции и «практических» политиков, представлявших свои партии и движения, политическую активность, мировоззренческие дискуссии и порой бескомпромиссную политическую борьбу. Вот некоторые из этих вопросов: гражданское согласие и мир или социальная борьба, включая её вооруженные формы, как средство разрешения общественных противоречий; капиталистический или социалистический вектор развития страны, и примыкающий сюда вопрос — монархия, республика или революционная диктатура; каковы должны быть принципы и формы перехода к новому политическому устройству; как поступать с многовековым национальным вопросом, какова должна быть степень допустимости самоопределения и к чему приведет региональный сепаратизм; отношение к аграрному вопросу, земле, судьба помещичьего землевладения; каково содержание, права и функции, как должен работать рабочий контроль на предприятиях; какой должна быть степень национализации в сфере банковского дела и т. д.

Вожди и лидеры революции 1917 года, при всей их далёкости от идеала, несли с собой образы народных героев, ореол выразителей чаяний низов, смелости, дерзновенности политических лозунгов и преданности народу. Но все они по-разному представляли будущее России и выстраивали свою работу в сложившихся обстоятельствах. Автор предложил лишь ориентиры для составления той социально-политической картины, которая может как-то состояться для описания интеллектуального потенциала, ресурсов политического интеллекта, которые существовали в революционных событиях бурлящей России 1917 года. Ключевыми на то время показателями были не только политический интеллект, но и политическая воля, решительность и организованность. Среди партий в большей мере обладали ими те, кто называл себя большевиками. Если в феврале-марте они мало чем выделялись в бушующем революционном океане, то к осени 1917 года указанные черты, помноженные на интеллектуальный багаж их лидеров, безоговорочно вывели большевиков в авангард революционных событий.

Литература

1. Административно-политические элиты в дореволюционной России // Российская историческая политология / отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. С. 94–137.
2. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М.: Воениздат. 1959. С. 120–123.
3. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Париж: Издательство Поволоцкого. 1921. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html (дата обращения: 10.06.2017).

4. Мышление: от сверхчеловеческого к человеческому порядку // Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д.: Город N., 1994. С. 251–255.
5. Революционное движение в России // Неизвестная Россия. XX век. Т. II. М.: Изд-во «Историческое наследие». 1992. С. 351–378.
6. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotl009>
7. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
8. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 1994. С. 129–130.
9. *Шацлло К.Ф.* Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М.: Политиздат, 1991. С. 326–365.

Literatura

1. Administrativno-politicheskie e'lity' v dorevolucionnoj Rossii // Rossijskaya istoricheskaya politologiya / otv. red. S.A. Kisliczy'n. Rostov n/D.: «Feniks», 1998. S. 94–137.
2. *Vexovskij A.I.* Na trudnom perevale. M.: Voenizdat. 1959. S. 120–123.
3. *Denikin A.I.* Oчерки russkoj smuty'. Krushenie vlasti i armii. Parizh: Izdatel'stvo Povoloczko. 1921. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_06.html (data obrashheniya: 10.06.2017).
4. Мышление: от сверхчеловеческого к человеческому порядку // Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д.: Город N., 1994. С. 251–255.
5. Революционное движение в России // Неизвестная Россия. XX век. Т. II. М.: Изд-во «Историческое наследие». 1992. С. 351–378.
6. *Troczkij L.D.* Istoriya russkoj revolyucii. T. 2. Ch. 1. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotl009>
7. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
8. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 1994. С. 129–130.
9. *Шацлло К.Ф.* Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М.: Политиздат, 1991. С. 326–365.

Yu. V. Yarmak

The Intellectual Context of the Russian Revolution of 1917²

According to the opinion of a number of researchers of the Russian drama from the February Revolution of 1917 to the October coup of the same year and the ensuing Civil War, its events are inextricably linked parts of the Great Russian Revolution. Along with the French Revolution of the end of the XVIII century, it became one of the largest milestones in world history. The study of the intellectual content of the Russian Revolution and the coup helps in explaining the nature of many of its events and estimates of predetermination or randomness of them in a political context.

Keywords: revolution; political intelligence; leaders, leaders of the group, organizations, parties; political education; political intellectualism; political process.

² The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the project «Informal text analytics: philosophical and methodological approach», № 17-03-00772